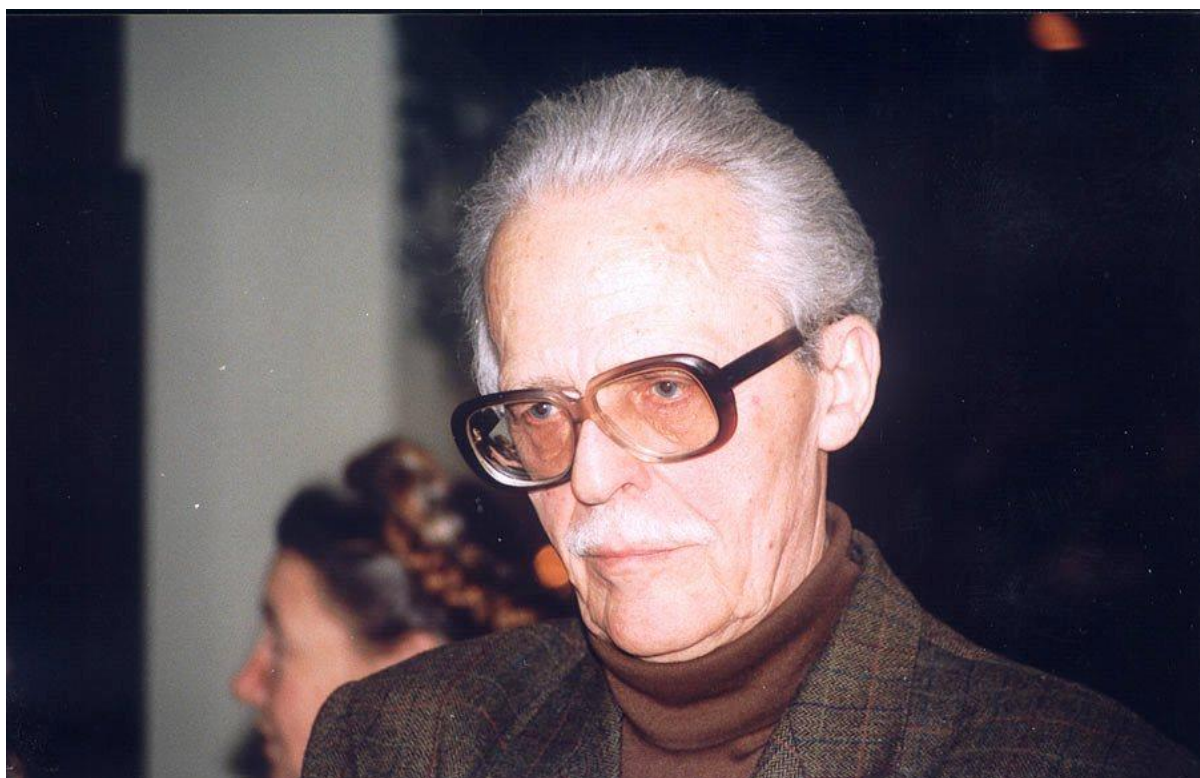

Дмитрий Быков

БОРИС ВАСИЛЬЕВ И БОРЬБА СО СТРАШНЫМ НОВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Борис Васильев всю жизнь был известен прежде всего как военный писатель, а между тем писать он хотел о современности – просто эта самая современность не хотела, чтобы он о ней писал.

Его первая повесть вовсе не «А зори здесь тихие», а «Иванов катер». Но «Зори» напечатали почти сразу, по ней сняли фильм, и он принес Васильеву (и пятерым главным героиням) мировую славу. А «Иванов катер» лежал в портфеле «Нового мира», и сам Твардовский смог только через три года напечатать эту горькую и яростную вещь о приходе нового человека, молодого циничного хищника, которому до людей вообще дела не было. И Марк Осепьян снял отличный фильм по этой повести. И фильм этот лежал на полке двадцать лет.

«Не стреляйте в белых лебедей» – первый роман Васильева о современности. О тех самых новых людях, шагающих по головам. О несчастном и беспомощном представителе коренного населения – егере, романтике и пропойце. И о том, как все его попытки сделать мир и людей хоть чуть человечнее заканчиваются полным поражением, грубым и грязным. «Черное озеро так и осталось черным» – все запомнили эту фразу, одну из последних. Но

я еще помню, как ругали эту вещь – за сусальность, за стилистическую избыточность... И опять Васильева запомнили как военного автора – «В списках не значился» стал самым популярным романом о Брестской крепости.

Но Васильев не останавливался – он продолжал писать о страшном новом человеке. Прогремел его «Экспонат №...» – история о том, как у старухи отняли последнее письмо, оставшееся от погибшего сына: надо было школьный музей открывать, требовались подлинные экспонаты.

Точно так же прогремел и был многократно обруган рассказ «Вы чье, старичье?» – снова о беззащитности, о старости, никому не нужной. Задолго до «Ворошиловского стрелка» написал он повесть «Суд да дело» – о мести ветерана; эту повесть вообще рискнула напечатать тогда только ленинградская «Аврора», где иногда удавалось пробить что-то заведомо непроходимое. Там у него ветеран застрелил подонка, который над ним откровенно глумился. Вещь была спорная, и многие, кстати, ветерана горячо осудили: нельзя же убивать-то! А Васильев и не оправдывал никого. Он просто говорил: на нас сегодня пришли не внешние захватчики, а внутренние, вот такие.

Что с ними делать? Фактически он предсказал тех самых, из которых лепили потом будущих «Наших». «Наши» это почувствовали и поспешили Васильева присвоить: меняли книги Сорокина и Пелевина на сборники Васильева. Васильев-то ведь первым написал о всепобеждающем молодом цинизме – как было не отреагировать?

Он никогда не боялся стилистических «переборов», как называл это его первый редактор Полевой; не боялся взять нотой выше, высказаться радикальнее, предупредить раньше. Он понимал: сейчас дело не в стиле, а уравновешенность – не главная добродетель. Сейчас нужно любой ценой растопить новый лед, наползающий на страну. Он понимал, что в девяностых победила вовсе не свобода, а именно новый цинизм. И боролся с ним так, как умел – срывая голос.

Его проза останется. И останется его читатель, который с семидесятих годов понимал: все простительно, кроме презрения к человеку.

Он из старой офицерской семьи, сам воевал, быт армии знал превосходно — в конце концов, «Офицеры» — это прекрасная пьеса, из которой вышел замечательный сценарий. Конечно, он не мог не писать о войне, это естественно. Но по большому счету, далеко не этим он был ценен. А ценен был умением увидеть вовремя самую главную опасность. Он предсказал появление «Наших», появление новой комсомольской прослойки, для которой ничего святого нет... И очень жаль, что даже к 90-м годам он был уже стариком, и многого просто не сумел написать. Занимался уже историей — «Ольга, королева русов», «Владимир Мономах»...

Он подписал знаменитое «письмо 42-х», потому что знал, что это такое — новая идеология, которая гораздо страшнее советской — смесь агрессивной ксенофобии (называемой патриотизмом), дикой нетерпимости и пресловутого государственничества (как его стали сейчас понимать). Очень хорошо видел эту опасность, и последние годы его жизни были очень неудобными. А возвращаясь к литературе, сейчас часто бросаются словом стилист: вот он-то как раз был первоклассным стилистом. Хотя ему часто Борис Полевой ставил в вину стилистическую избыточность, лирический перебор, но опыт показал, что достучаться до современного читателя можно только таким молотком. Кувалдой. Я даже не буду перечитывать некоторые его вещи, потому что очень страшно — помню куски из «В списках не значился». Это была самая черная книга о войне, особенно когда ее Савва Бродский проиллюстрировал. Но другой книги, менее черной, читатель не понял бы! И как сейчас можно было без этой книги объяснить подростку, что такое Брестская крепость. Да, это не нейтральное описание. Васильев лупил бичом. Но при всем этом, он победил: книга вошла в литературу и в ней останется...

Он был необычайного внутреннего достоинства, не терпел фальши. Как-то сказал на вопрос веры — «Знаете, смешно было бы мне, кадровому офицеру, говорить о вере. Одно с другим как-то не вяжется»... Он был храбрым и очень гуманным, человечным. Необычайно трогательным. Но ценен он, повторяю, литературой. Хороших людей много, а «Иванов катер» написал только Васильев.

Борис Васильев был чудесен. Знаете, что интересно: Васильеву на полях его рукописей Борис Полевой рисовал «22». В терминологии Полевого «22» означал перебор — стилистический, эмоциональный... Особенно был испещрен этими «22» роман «В списках не значился». Этот роман действительно зашкаливает на фоне тогдашней литературы: он и страшнее, и эмоционально напряженнее. Вообще Васильев — писатель очень большого эмоционального напора, тогда это даже казалось чрезмерным. Но теперешнего российского читателя только так и можно прошибить. «В списках не значился», и «Жила-была Клабочка», и «Вы чье, старичье?» — это вещи, в которых автор действительно ударяет читателя сильнее, чем надо, и ниже пояса. Там есть чудовищные вещи, страшные сцены. В романе «В списках не значился» вся третья часть — за пределами: и гибель Мирры, и расстрел из огнеметов... Помню, как тогда, в 60-70-ые говорили, что он просто бьет по голому нерву. Но все это осталось. Он как бы предвидел сегодняшнюю эмоциональную глухоту. Его стратегия себя оправдала. И очень жалко, что сейчас так мало писателей, которые с такой шоковой силой способны о чем-то говорить, — сказал писатель.

Были у Васильева неровные вещи. На мой взгляд, ему не следовало писать историческую прозу, а он работал над этими бесконечными «Были и небыли»... Но как только он касался того, что его лично волновало, того, в чем он участвовал, он выдавал вещи исключительно подлинные. Кроме того – что большая редкость для писателя – он был очень хороший человек. Я несколько раз звонил ему брать интервью. И меня всегда поражало, что невзирая на всю свою военную славу, на свое офицерство, на долгий опыт советской жизни, он всегда был за свободу. Никогда не кичился славой предков и собственной славой, но был человеком в высшем смысле гуманистических убеждений. Ему казалось всегда, что частная человеческая судьба важнее любого державного величия. Вот почему его военная проза так трогала и в свое время воспринималась как прорыв. Он видел человека, а державные вещи и всю эту кровавую патаку он решительным образом отметал. Он воевал и знал, что это такое.

